

Л. Троцкий. **БУРЖУАЗИЯ, МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ И ПРОЛЕТАРИАТ**

Всякий серьезный анализ политической обстановки должен исходить из взаимоотношения трех классов: буржуазии, мелкой буржуазии (в том числе крестьянства) и пролетариата.

Могущественная экономически крупная буржуазия сама по себе представляет ничтожное меньшинство нации. Чтобы упрочить свое господство, она должна обеспечить определенные взаимоотношения с мелкой буржуазией, а через ее посредство - с пролетариатом.

Для понимания диалектики этих взаимоотношений необходимо выделить три исторических этапа: на заре капиталистического развития, когда буржуазия, для разрешения своих задач, нуждалась в революционных методах; в период расцвета и зрелости капиталистического режима, когда буржуазия придала своему господству упорядоченные, мирные, консервативные демократические формы; наконец, на закате капитализма, когда буржуазия вынуждена прибегать к методам гражданской войны против пролетариата, чтобы охранить свое право на эксплуатацию.

Политические программы, характерные для этих трех этапов: якобинизм, реформистская демократия (в том числе и социал-демократия) и фашизм являются по существу программами мелкобуржуазных течений. Уже одно это обстоятельство показывает, какое огромное, точнее, решающее значение имеет политическое самоопределение мелкобуржуазных толщ нации для судьбы буржуазного общества в целом!

Однако, взаимоотношения между буржуазией и ее основной социальной опорой, мелкой буржуазией, отнюдь не основаны на взаимном доверии и мирном сотрудничестве. В массе своей мелкая буржуазия есть эксплуатируемый и обиженный класс. Она завидует крупной буржуазии и нередко ненавидит ее. С другой стороны, и буржуазия, прибегая к поддержке мелкой буржуазии, не доверяет ей, ибо боится, с полным основанием, что та всегда склонна переступить указанные ей сверху пределы.

Прокладывая и расчищая пути для буржуазного развития, якобинцы на каждом шагу вступали в острые столкновения с буржуазией. Они служили ей в беспощадной борьбе с нею. Выполнив свою ограниченную историческую задачу, якобинцы пали, ибо господство капитала было предопределено.

Через ряд этапов буржуазия утвердила свою власть в форме парламентской демократии. Опять-таки, совсем не мирно и не добровольно. Буржуазия смертельно боялась всеобщего избирательного права. Но в конце концов, при помощи сочетания репрессий и уступок, голодного кнута и реформ, она подчинила себе, в рамках формальной демократии, не только старую мелкую буржуазию, но в значительной мере и пролетариат, через посредство новой мелкой буржуазии, - рабочей бюрократии. В августе 1914 года империалистская буржуазия оказалась способна через посредство парламентской демократии повести на бойню десятки миллионов рабочих и крестьян.

Но именно с войны начинается явный закат капитализма и, прежде всего, демократической формы его владычества. Дело идет теперь уже не о новых реформах и поправках, а об урезке и отнятии старых. Политическое господство буржуазии приходит тем самым в противоречие не только с учреждениями пролетарской демократии (профессиональные союзы и политические партии), но и с парламентарной демократией, в

рамках которой сложились рабочие организации. Отсюда поход против "марксизма", с одной стороны, демократического парламентаризма, с другой.

Но как верхи либеральной буржуазии не способны были в свое время одними собственными силами справиться с монархией, феодалами и церковью, так магнаты финансового капитала не способны одними собственными силами справиться с пролетариатом. Им необходима помощь мелкой буржуазии. Для этого ее нужно взбудоражить, поставить на ноги, мобилизовать, вооружить. А в этом методе есть свои опасности. Пользуясь фашизмом, буржуазия боится его. Пилсудский вынужден был в мае 1926 года спасать буржуазное общество посредством переворота, направленного против традиционных партий польской буржуазии. Дело зашло так далеко, что официальный вождь польской компартии, Варский, перешедший от Розы Люксембург не к Ленину, а к Сталину, принял переворот Пилсудского за путь к "революционно-демократической диктатуре" и призвал рабочих к поддержке Пилсудского.

На заседании польской комиссии Исполнительного комитета Коминтерна, 2-го июля 1926 года, автор этих строк говорил по поводу событий в Польше:

"Оцененный в совокупности своей переворот Пилсудского является мелкобуржуазным, "плебейским" способом разрешения неотложных задач разрушающегося и падающего капиталистического общества. Здесь уже прямое сближение с итальянским фашизмом.

"Оба эти течения имеют несомненно общие черты: ударная армия их вербуются, прежде всего, в среде мелкой буржуазии; и Пилсудский, и Муссолини действовали вне-парламентскими, открыто насильственными способами, методами гражданской войны; оба они стремились не ниспровергнуть буржуазное общество, а, наоборот, спасти его. Подняв на ноги мелкобуржуазную массу, они, по приходе к власти, открыто объединились с крупной буржуазией. Тут невольно напрашивается историческое обобщение, для которого надо вспомнить определение, данное Марксом якобинизму, как плебейскому способу расправы с феодальными врагами буржуазии... Это было в эпоху подъема буржуазии. Сейчас приходится сказать, что в эпоху упадка буржуазного общества буржуазия снова нуждается в "плебейском" способе решения своих задач, уже не прогрессивных, а насквозь реакционных. И в этом смысле в фашизме есть реакционная карикатура на якобинизм...

"Падающая буржуазия не способна удерживаться у власти методами и способами ею же построенного парламентского государства, ей нужен фашизм, как орудие самообороны, по крайней мере, в наиболее критические моменты. Но буржуазия не любит "плебейского" способа разрешения своих задач. Она относилась крайне враждебно к якобинизму, расчищавшему кровью пути развития буржуазного общества. Фашисты неизмеримо ближе падающей буржуазии, чем якобинцы - буржуазии поднимающейся. Но солидная буржуазия не любит и фашистского способа разрешения своих задач, ибо потрясения, хотя бы и в интересах буржуазного общества, связаны с опасностями для него. Отсюда антагонизм между фашизмом и традиционными партиями буржуазии...

"Крупная буржуазия не любит фашистских методов, как человек с больной челюстью не любит, когда ему рвут зубы. Солидные круги буржуазного общества с ненавистью глядели на упражнения дантиста Пилсудского, но, в конце концов, подчинились неизбежному, правда, с угрозами, торгами и переторжками. И вот вчерашний идол мелкой буржуазии превращается в жандарма при капитале".

Этой попытке наметить историческое место фашизма, как политической смены социал-демократии, противопоставлена была официальным руководством теория "социал-фашизма". На первых порах она могла казаться претенциозной и крикливой, но невинной глупостью. Дальнейшие события показали, какое губительное влияние сталинская теория получила на все развитие Коммунистического Интернационала*1.

/*1 Скрыв цитированную выше речь от партии и Коминтерна, сталинская пресса подняла, однако, против нее одну из своих обычных кампаний. Мануильский писал, что я осмеливаюсь "отождествлять" фашистов с якобинцами, которые-де являлись нашими революционными предками. Последнее более или менее верно. К сожалению, у этих предков оказывается немало потомков, неспособных шевелить мозгами. Отголоски старого спора можно найти и в новейших произведениях Мюнценберга против троцкизма. Пройдем, однако, мимо!

Вытекает ли из исторических ролей якобинизма, демократии и фашизма, что мелкая буржуазия обречена до конца дней своих оставаться орудием в руках капитала? Если б дело обстояло так, то самая диктатура пролетариата была бы невозможна в ряде стран, где мелкая буржуазия составляет большинство нации, и оказалась бы крайне затруднена в других странах, где мелкая буржуазия образует внушительное меньшинство. К счастью дело обстоит не так. Уже опыт парижской Коммуны, по крайней мере, в пределах одного города, затем опыт Октябрьской революции, в неизмеримо больших масштабах пространства и времени, показывают, что союз крупной и мелкой буржуазии не является нерасторжимым. Если мелкая буржуазия неспособна на самостоятельную политику (поэтому и неосуществима, в частности, мелкобуржуазная "демократическая диктатура"), то ей остается еще выбор между буржуазией и пролетариатом.

В эпохи подъема, роста и расцвета капитализма мелкая буржуазия, несмотря на острые вспышки недовольства, в общем достаточно покорно шла в капиталистической упряжке. Ничего другого ей и не оставалось. Но в условиях капиталистического загнивания и экономической безвыходности мелкая буржуазия стремится, пытается, пробует вырваться из-под опеки старых хозяев и руководителей общества. Она вполне способна связать свою судьбу с судьбой пролетариата. Для этого необходимо одно: чтоб мелкая буржуазия поверила в способность пролетариата вывести общество на новую дорогу. Внушить ей такую веру пролетариат может лишь своей силой, уверенностью своих действий, умелым наступлением на врагов, успешностью своей революционной политики.

Но горе, если революционная партия оказывается не на высоте обстановки! Повседневная борьба пролетариата обостряет неустойчивость буржуазного общества. Стачки и политические волнения ухудшают экономическое положение страны. Мелкая буржуазия могла бы временно примириться с возрастающими лишениями, если б она убеждалась на опыте, что пролетариат способен вывести ее на новую дорогу. Но если революционная партия, несмотря на непрерывно обостряющуюся классовую борьбу, снова и снова оказывается неспособна сплотить вокруг себя рабочий класс, мечется, путает, противоречит себе, тогда мелкая буржуазия теряет терпение и в революционных рабочих начинает видеть виновников собственных бедствий. В эту сторону толкают ее мысль все буржуазные партии, в том числе и социал-демократия. Когда же социальный кризис начинает принимать невыносимую остроту, выдвигается особая партия, имеющая своей прямой целью довести мелкую буржуазию до белого каления и направить ее ненависть и отчаяние против пролетариата. Эту историческую функцию выполняет в Германии

национал-социализм - широкое течение, идеология которого образуется из всех гнилостных испарений разлагающегося буржуазного общества.

Основная политическая ответственность за рост фашизма лежит, разумеется, на социал-демократии. С империалистической войны работа этой партии сводится к тому, чтоб вытравлять из сознания пролетариата идею самостоятельной политики, внушать ему веру в вечность капитализма и ставить его каждый раз на колени перед разлагающейся буржуазией. Мелкая буржуазия может пойти за рабочим, если увидит в нем нового хозяина. Социал-демократия учит рабочего быть лакеем. За лакеем мелкая буржуазия не пойдет. Политика реформизма начисто отнимает у пролетариата возможность руководить плебейскими массами мелкой буржуазии и тем самым превращает последние в пушечное мясо фашизма.

Политический вопрос, однако, совершенно не исчерпывается для нас ответственностью социал-демократии. С начала войны мы объявили эту партию агентурой империалистской буржуазии в пролетариате. Из этой новой ориентировки революционных марксистов вырос Третий Интернационал. Его задача состояла в том, чтобы объединить пролетариат под знаменем революции и тем самым создать для него возможность руководящего влияния на угнетенные массы мелкой буржуазии города и деревни.

Послевоенный период был в Германии больше, чем где-либо, временем экономической безвыходности и гражданской войны. Международные и внутренние условия одинаково властно толкали страну на путь социализма. Каждый шаг социал-демократии обнаруживал ее опустошенность и бессилие, реакционность ее политики, продажность ее вождей. Какие же еще условия нужны для развития коммунистической партии? Между тем, после первых лет крупных успехов германский коммунизм вступил в полосу метаний, зигзагов, чередования оппортунизма и авантюризма. Центристская бюрократия систематически обессиливала пролетарский авангард, не позволяя ему вести за собой класс. Этим она вырывала у пролетариата в целом возможность вести за собой угнетенные массы мелкой буржуазии. Прямую и непосредственную ответственность перед пролетарским авангардом за рост фашизма несет сталинская бюрократия.

4 августа 1932 г.
Принкипо.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)
N 29-30.